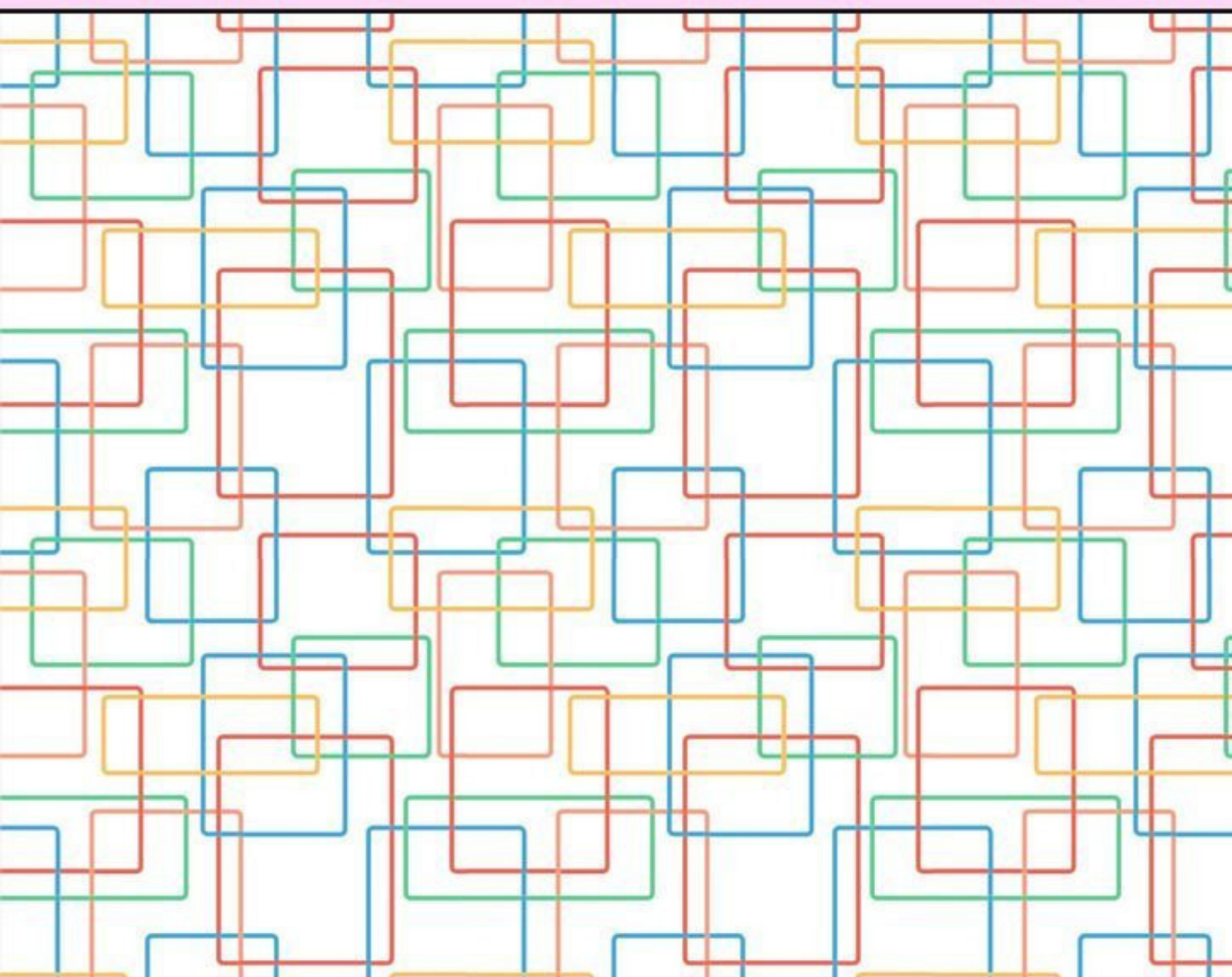

18+ Елена Тершукова

*Вот такой
сценарий...*

Елена Тершукова
Вот такой сценарий...

«Издательские решения»

Тершукова Е.

Вот такой сценарий... / Е. Тершукова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551356-4

И знаете, вот что мне еще помогло: совет посмотреть на свою жизнь как на сценарий фильма. Классная техника, рекомендую. Ну правда же, фильм-то интересный получился?

ISBN 978-5-00-551356-4

© Тершукова Е.
© Издательские решения

Вот такой сценарий...

Елена Тершукова

© Елена Тершукова, 2021

ISBN 978-5-0055-1356-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Катька решила себя нарисовать. Автопортрет. А что? Рисовать она всегда любила, особенно женские головки – все тетради с обратной стороны в школе ими изрисовывала. И даже учителей рисовала, иногда получалось очень похоже, подружки восхищались. А недавно на практикуме по методике ИЗО их преподаша учила рисовать портреты – какие там есть пропорции, как нарисовать глаза, или, там, волосы. И у одной девчонки, Илонки, получился портрет ее парня – ну точь-в-точь, будто фотографию перерисовывала! Все ахнули, а преподаша сказала, что это талант. Но потом, сколько Илонка ни пыталась кого-то еще нарисовать (а к ней сразу, конечно, все стали с просьбами подкатывать), ничего у нее не получалось. Катьке тоже хотелось попробовать. Сегодня, наконец, выдался удобный случай: воскресенье, Япик с Таткой ушли в кино, а у нее «этот день», когда лучше дома посидеть.

За неимением натуры решила рисовать себя. Поставила напротив большое зеркало со стены, приготовила бумагу и карандаш. Долго выбирала позу: решила вполоборота, чтобы лицо было не таким круглым. Дверь закрыла на ключ – у них принято стукнуть пару раз, и, не дожидаясь ответа, сразу входить. Не хочешь, чтобы к тебе заходили – закройся. Так что если кому-то приспичит заявиться, она успеет зеркало на место повесить и рисунок убрать. Хотя сегодня, в воскресенье, да еще в такую хорошую погоду, вряд ли кто-то в общаге сидит – или на свиданиях, или «культурный уровень повышают», или гуляют, или совмещают первое со вторым или третьим. Но на всякий случай все-таки лучше закрыться.

Она рисовала, вглядываясь в свое отражение и вспоминая, что говорили на практикуме, и так увлеклась, что когда вдруг посмотрела на часы, то ахнула: прошло больше часа! Скоро девчонки придут, а она обещала на ужин котлеты пожарить с картошкой! Котлеты-то – это быстро, вон, пачка между рамами, а вот картошку вначале еще почистить надо.

Катька посмотрела на готовый портрет. Смотреть она старалась так, как будто это не она сама смотрит, а кто-то другой. Вроде, похоже. Только глаз кривой какой-то. Если рисовать так, как учили, получается, что глаза как будто косят и один намного меньше другого. А если как в зеркале видишь, то вообще что-то непонятное. Ладно, надо отложить и еще раз потом посмотреть, более отстраненно.

На кухне, конечно, никого не было. Она быстренько почистила картошку и поставила вариться, выложила из пачки на сковороду оставшиеся три котлеты. На улице уже стемнело, напротив светились окна корпуса общежития ЛЭТИ. В темном стекле неясно отражался ее силуэт. Катька повернулась боком, потом развернула плечи прямо. При таком повороте талия выглядела совсем уж тонюсенькой. А если еще сзади халатик рукой прихватить – то кажется, что талию можно обхватить ладонью.

Все-таки с фигурой ей повезло: и грудь не большая и не маленькая, в самый раз, и попа. А талия – вообще супер! Двумя ладошками, конечно, не обхватишь, но все равно тонкая. Все покупные юбки и брюки приходится в поясе ушивать – болтаются. Да и рост хороший – не маленькая, как Япик, но и не дылда какая-нибудь!

А ведь еще какой-то год назад, в выпускном классе, она чувствовала себя и дылдой, и кубышкой. В их городке люди почему-то были в большинстве маленького роста, так что ее

папа, который, в общем-то, совсем не высокий для мужчины, всего метр семьдесят, казался высоченным. Она всего на сантиметр не дотянулась до папы, а ведь девочка! В классе она была самой высокой, даже самые длинные мальчишки все были ниже нее. Правда, к девятому-десятому классу некоторые подвытянулись, хотя бы вровень стали, но она уже успела заработать хорошенький такой комплекс. Она даже сутулиться стала, чтобы хоть чуточку пониже казаться. Понятно, что на школьных вечерах на танцы ее не приглашали – мальчик же должен быть обязательно выше партнерши, иначе смешно! И в кино, и «дружить» тоже никто не предлагал поэтому – ну как пойдешь по улице с девочкой, которая над тобой возвышается – засмеют! Хотя мальчишки к ней с уважением относились, да и игривые взгляды нет-нет, да и бросали... А может, еще и папу боялись: в городе его хорошо знали: был он прорабом в местном стройуправлении, а летом принимал мальчиков из старших классов к себе на стройку на подработку. А нрав у папы строгий: проштрафился – получи! Так что мальчишки его побаивались. Да и не только рост ей тогда не нравился в себе, а вообще все. Лицо круглое, большие в детстве глаза почему-то стали совершенно обыкновенными, да и еще какого-то невразумительного болотного цвета, рост слишком высокий, плечи сутулые, а фигура, так вообще – слезы сплошные! Девчонки почти все (кроме толстухек, конечно, но их мало было) – ни попы, ни груди. А у нее – что спереди, «полна пазуха», мама говорила, что сзади сундучок! Папа-то ее фигуру одобрял, говорил, что она настоящая «донская казачка», и что в их станице у нее уже отбою бы от женихов не было – только выбирай! Неизвестно, как там в станице, а тут Катька чувствовала себя громоздкой дылдой с круглым некрасивым лицом...

А помогла «абитура».

Сколько помнила Катька себя, всегда хотела быть или воспитателем в детском саду, или учительницей в младших классах. Всегда она кого-то нянчила, за кем-то приглядывала – и у мамы на работе в яслях (мама работала старшим воспитателем, и дочка часто приходила к ней – помогала одевать и выводить на прогулку малышкой), и братишку Димку, и двоюродных младших братьев-сестер, и соседскую мелкоту. Взрослые знали – если Катьку попросить присмотреть за ребенком – лучшей няньки не найти! Да еще и в садике ей с воспитательницей повезло – все мальчишки были в ту влюблены, девчонки старались во всем подражать, а родители нарадоваться на нее не могли. Вот Катя и решила – буду такой воспитательницей, как Светлана Ивановна! Родители и учителя тоже говорили, что у нее педагогический талант. Но когда сказала, что пойдет в педучилище, все в один голос стали уговаривать в институт идти – мол, с таким умом, да хорошей учебой нужно обязательно получать высшее образование! Катька и не возражала – институт, так институт. А в десятом классе случайно увидела по телевизору передачу про Ленинградский институт имени Герцена, и загорелась – хочу учиться там! Вот тут ей пришлось выдержать такой натиск взрослых! Все в один голос твердили, что надо ей учиться в областном «пед» – и к родителям близко, и поступить легче, даже направление дядя Боря, работавший в городской администрации, обещал выхлопотать. Нет, уперлась – если ВУЗ, то только «Герцена»! Ну и уговорила родителей – если не поступит, то на следующий год пойдет в областной «пед».

При одной мысли о том, что дочка будет жить в общежитии во время поступления, папа пришел в ужас. Почему-то он считал: студенты – это совсем другое, жить в студенческом общежитии – это нормально, а вот абитуриенты – люди безответственные, что они только и делают, что дурака валяют, а то еще и пьют, и вообще, неизвестно, чем занимаются! Напрасно Катька ему доказывала – так ведь студенты-то из абитуриентов получают! Он и слышать ничего не желал. Студентами единицы становятся, а остальные – не пойми кто.

Выход нашелся. Их бывшие соседи по лестничной площадке несколько лет назад переехали как раз в Ленинград. Отношения хорошие сохранились, переписывались до сих пор. Вот они-то и согласились приютить Катьку на время поступления. Правда, как раз уезжали в отпуск, но, написали они, но это даже и хорошо – будет Катя спокойно готовиться к экзаме-

нам, никто мешать не будет. А что одна поживет – так ведь взрослая уже! Абитуриентка! Привыкать нужно к самостоятельной жизни. Так и получилось. Папа лично отвез дочь в Питер, съездил в институт сдавать документы, ужаснулся толпам поступающих, и уехал обратно. А на следующий день тетя Лора с дядейлевой показали Катьке ближайшие магазины и рынок прямо рядом с домом, сходили с ней и маленькой дочкой в Зоопарк (он, кстати, оказался тоже совсем рядом, в нескольких кварталах), показали, что и как – и укатили. Да и было что показывать. Дом старинный, лифт странный (не закроешь внешнюю железную дверь как следует – ни за что не поедет!), ванной нет, просто в одном углу огромной кухни стоит на львиных ногах тоже огромная старинная ванна, занавесочкой огорожена. А если учесть, что квартира оказалась коммунальной, то вообще странно – а если я моюсь, а кто из соседей заглянет? Тетя Лора с дядейлевой посмеялись и объяснили, что никто так не делает. И вообще, коммуналка у них всего на две комнаты, то есть только одни соседи. Это, сказали они, огромное везение, есть коммуналки и на десять соседей. А их соседи, к тому же и не живут тут. Сдают свою комнату молодому парню из Молдавии, а он дома почти не бывает – утром рано на работу уходит, поздно приходит, и сразу спать ложится, а каждые два-три месяца вообще на родину уезжает, у него там молодая жена, и тут он на свой дом зарабатывает.

Первые две ночи Катька спала с ножиком под подушкой. Посмеивалась над собой, но клала: кто их знает, этих молдаван, слышала, что южане – все «горячие парни». А когда через два дня вечером, засидевшись за учебниками, вышла на кухню чайник поставить, увидела соседа, то сразу успокоилась. Оказался он невысоким худеньким скромным парнишкой чуть постарше ее самой. Да и звали его Думитру, Дима – совсем как Катькиного братишку. Он сам, оказывается, ее боялся – ведь без прописки тут живет! Ну, Катька его успокоила – сама такая же, «на птичьих правах». Потом они даже по вечерам чай вместе пили – и ему одиноко, и ей – за целый день зубрежки хоть с живым человеком пообщаться. Научила его варить суп из пакетиков: добавишь пару картошин – и сытнее, и на два обеда хватает.

Вообще Катькина еда нехитрой была – она решила деньги экономить. А вдруг не поступит, получится, что родители зря потратились на дорогу да житье тут. Завтракала чаем и булкой с маслом, на обед – суп из пакетика с картошкой и хлеб с маслом, иногда с кусочком колбасы, ну а ужин уж вообще царский: котлета из кулинарии, макароны или картошка, и – самое главное – сладкий болгарский перец! Раньше Катька его никогда не ела, у них он не продавался. А тут на рынке увидела – лежат на прилавке такие толстенькие, глянцевые, победительного красного цвета! Не удержалась, спросила у тетеньки, что это. Та удивилась, да и дала попробовать. Катька прямо влюбилась в душистый, сочный, летний вкус! Стоила одна штука пять копеек. И Катька каждый день себе перчик покупала, удержаться не могла. Зато какое это было наслаждение – макать длинненькую дольку в соль, а потом хрустеть этим сочным сладким чудом! Никаких конфет не надо! И еще она позволяла себе – через день – или мороженое самое дешевое, в картонном стаканчике, или пирожок с мясом. Эти жареные пирожки Катя просто обожала, особенно если горячие, могла бы, наверное, за раз штук десять съесть, но – экономия! Ну вот и доэкономилась до того, что юбка сваливаться стала. Катька этому немного удивилась, но думала, что ткань просто растянулась. А когда через месяц вернулись Тетя Лора с дядейлевой (дочку они пока оставили у бабушек-дедушек), то тетя Лора удивленно оглядела ее, потом покрутила за плечи и сказала:

– Катя! Ты что, совсем ничего не ела тут, что ли? Похудела как! Одни глаза остались! Смотри, Левчик, во что она превратилась!

Дядя Лева тоже внимательно ее оглядел.

– Да уж! Вот это результат! Лора, а ей ведь ужасно идет! Фигурка классная, личико подтянулось, а глаза-то, глаза! Просто звезды сияют! Поделись диетой, Катерина!

Катька даже обидеться сначала хотела, решила, дядя Лева, по всегдашней своей привычке, «подкальывает». Но он, похоже, и не думал смеяться, а и вправду смотрел восхищенными глазами, так что Лора даже замахнулась на него полотенцем:

– Так! На Катю не заглядываться! Она, конечно, хорошенькая, но жена красивее всех!

– Конечно, Лорик! Ты у меня всегда лучше всех! Просто я думаю, может, мне тоже месяцок одному пожить, без твоих вкусностей – тоже хочу как кипарис стройным быть! – рассмеялся дядя Лева.

– Отлично! Садимся на подножный корм! Мне же лучше – ни магазинов, ни готовки – красота!

– Ммм... знаешь, я погорячился, пожалуй, – пошел на попятный дядя Лева. – Нет уж, Лорик, не надо мне этого счастья. Катьке-то на пользу, а я и так толстый и красивый!

– Вот то-то же, – рассмеялась тетя Лора.

А Катька вечером, когда душ принимала, внимательно рассмотрела себя в зеркало. И точно – куда исчезли мясистые бока и ляжки? Откуда взялись нежно выпирающие ключицы? И щеки куда-то подевались, а глаза, наоборот, открылись, и – да, прямо сияют!

Так что теперь Катька так и питалась – в день можно потратить рубль. А еще лучше – меньше, тогда и на лак для ногтей, и на помаду, и на колготки можно накопить. Зато и в зеркало на себя теперь смотрела с удовольствием. Да и рост, оказывается, у нее никакой не большой, а очень даже средний – девчонок половина выше ее, а уж про парней-то и вообще можно не сомневаться! Редко кто ниже ее был! Вот откуда они все такие тут взялись? А когда на первой же студенческой дискотеке среди многочисленных пригласивших ее потанцевать парней парочка оказалась заметно ниже ее (Катька это сразу видела – привыкла вычислять, не слишком ли большая разница в росте с тем, с кем она общается, не слишком ли смешно выглядит) – и нимало этим не смущавшихся, она сначала удивилась, а потом подумала: если парень в вузе учится, то ему есть чем гордиться, кроме роста. Так что и этот вопрос выбросила из головы. Наоборот, научилась расправлять плечи и избавилась от сутулости – как-то сама она исчезла.

Вот бы сейчас дядя Лева с тетей Лорой на нее поглядели! Еще больше удивились, наверное. Да вот они опять переехали, еще в октябре, на Черноморское побережье – их дочке врачи рекомендовали смену климата. Звали к себе на лето, ну, посмотрим.

Катька еще покрутилась перед зеркалом окна, но уже пора было сливать картошку, да и котлеты были готовы. Скоро и девчонки пришла. За ужином рассказывали про фильм, про парней, которые к ним «клеились» после сеанса – насилу отвязались. Не понравились, противные какие-то, липкие. Свой портрет Катька так и не решилась показать. Подумала, что лучше еще потренируется. А пока сложила его и убрала подальше в тумбочку.

Яппи смотрела в зеркало. Девчонки читали – готовились к завтрашнему зачету, а она решила сделать перерыв. В принципе, в чем пойти на новогоднюю дискотеку, она уже решила – вариантов-то нет. Так, «загляделась», – усмехнулась она про себя. Вот спасибо родителям за такую внешность! Миниатюрная, «фарфоровая статуэтка», как ее частенько называли – росточка маленького, тоненькая, почти прозрачная фигурка, кажется – хрупкая, только дунь – улетит. А вот фигурки вам! Яппи-то знает, что прочно стоит на земле и ни в каких облаках не летает. Но иметь такую видимость очень полезно! И в транспорте не толкнут, поостерегутся, и на преподав должное впечатление оказывает. Конечно, Яппи и сама хорошо учится, голова у нее варит прекрасно. А как же иначе – разве, будь по-другому, смогла бы сама, без «блата», без рабочего стажа, прямо со школьной скамьи, как говорится, поступить в один из самых лучших вузов страны? Пусть и не на самый престижный факультет, но тем не менее!

Да и лицо – лучше не пожелаешь. Что-то японское, но в более европейском варианте. Конечно, японцы за свою ее никогда не приняли бы, а вот все остальные постоянно спраши-

вают, нет ли у нее японских корней. Нет. Просто такая вот игра природы, и спасибо ей за это. Если бы внешность выбирать можно было, она и выбрала бы себе именно такую: маленькая хрупкая девочка с чуть раскосыми глазами, черными прямыми волосами, темными, почти черными глазами... Зубы вот только подкачали – от природы они у нее очень плохие – серые какие-то, передние быстро, чуть ли не с самого детства, стали чернеть и портиться. Ну, спасибо хорошему стоматологу, маминному другу – сделал все как надо, и никто даже и не догадывается, что ее красивые ровные белоснежные зубки – не свои, а искусственные. Приходится только постоянно за ними следить, а чуть что – новые делать. Но дядя Веня говорит, что уже идут новые разработки – раз сделал, и можешь много лет жить спокойно.

Институт они с мамой вместе выбрали. Когда-то мама, конечно, хотела, чтобы единственная дочь пошла по ее стопам: преподаватель музыки – ну что для женщины может быть приятнее и престижнее? Зарплата, конечно, так себе, ну так для зарабатывания денег женщина и не предназначена. Добыть мамонта – это обязанность мужская, а жена должна собой семью украшать, детей рожать да за домом следить. А работать так, немножко, чтобы в клушу домашнюю не превратиться, да чтобы наряды-прически было где «выгуливать», да не только в театре там, или на концерте, а среди своих-наших, чтобы было кому оценить. Но мамочкины первоначальные планы провалились: хоть дочка и закончила «музыкалку», и даже могла поиграть что-нибудь под настроение, но со слухом у нее, честно говоря, было так себе. А как красиво все начиналось: девочка с флейтой! Но... нет. И «художку», как и положено девочке из интеллигентной семьи, Яппи тоже закончила, рисовать ей нравилось, и даже неплохо получалось. Но однажды в недобрый час их учитель сказал, что художницей ей не быть, мол, «Божьей искры нет», но рисовальщицей – вполне. Или учителем рисования. Ну, тут уж Яппи воспротивилась: ах, не «искрит»? – ну и не надо! И, как только аттестат получила, в дальний шкаф его положила и пообещала себе торжественно, что больше никогда в жизни рисовать не станет.

Тогда мамуля стала думать. Врачом – дочка крови боится, а уж шприц увидит – передргивается вся. Переводчиком – ни за что не хочет языки зубрить. Написать по-английски напишет, что там по школьной программе положено, прочитает – тоже поймет, и на этом все. В стюардессы – там язык иностранный нужен, да и не пустит она дочку – слишком опасно. Ну, значит, педагогика. В школу с Яночкиным росточком не пойдешь – никакого авторитета не будет. Значит, в дошкольное. Так Яна именно дошколят терпеть не может! Тогда так: надо высшее образование получать, а потом методистом в саду или даже РОНО работать. Тем более, что на уроках школьных по профориентации делопроизводство изучала. И учительница очень ее хвалила, говорит, работа с документами – это Яночкино. Она даже печатать слепым методом научилась играючи!

Ну, а какой у нас лучший дошкольный факультет – Москва да Ленинград. Москва далеко, да и едут туда отовсюду, колхоз прямо. А вот Ленинград – то, что надо: не так далеко, город интеллигентный, красивый, с историей. Учиться там – счастье! И звучит как: «Моя дочь учится в ВУЗе в Ленинграде!» Или: «Закончила институт имени Герцена!» Так и решили. Конкурс, конечно, был огромный, и Яна, даже с ее отличным аттестатом, боялась, что не пройдет, но – получилось. Не зря два последних года в школе только и делала, что зубрила, учила, повторяла... А уж сколько дополнительной литературы по предметам перечитала, сколько сочинений написала, которые потом их «русичка» (спасибо ей!) правила!

А какое красивое слово «абитуриент»! Я – абитуриентка: говоришь себе и аж дух захватывает! Ленинград – это, конечно, отдельный восторг, не влюбиться в него невозможно! Пока мамусик гуляла или бегала по магазинам, Яппи честно учила, но раз в неделю они, тайком от папы, давали себе возможность понаслаждаться – то в Русский музей на весь день уходили, то в Эрмитаж. Остальное – решили на потом оставить, когда студенткой станет. Если станет. Конечно, раньше они с родителями ездили несколько раз на экскурсии, но что экскурсии – все бегом-бегом, и показывают не то, что ты хочешь увидеть, а что в программе. Да и как рассмот-

ришь что-то, когда на посещение Русского музея – хорошо если два часа! А про Эрмитаж – вообще ничего говорить не надо! За день несколько залов только и успеешь посмотреть. Картину ведь можно бесконечно рассматривать: чуть встанешь не так – опять что-то новое открывается! А еще угадывать: вот здесь художник так краску положил, а вот здесь так смешал...

Так что ей повезло и с вузом, и с городом. И с девочками – сокурсницами тоже (мальчик-то у них на весь курс всего один, и тот какой-то прибабахнутый. Ну, а какой еще мальчик на дошкольный факультет пойдет?). На «абитуре» Яппи жила на съемной квартире вместе с мамочкой: родители ни за что не захотели отпускать ее одну, да еще и в общежитие. А раз у мамы как раз был отпуск, то она и поехала с дочкой – присмотреть, поддержать, обиходить, накормить вовремя. Хотя что там кормить-то? Яппи никогда не отличалась хорошим аппетитом, да и просто вкусом к еде – ела что дадут, только очень мало, «птичкиными» порциями, как сокрушалась мама. Просто ей неинтересно есть, скучно. Зачем тратить время на еду, когда можно почитать, погулять, да чем угодно заняться? И как можно сказать про еду: я люблю то-то и то-то. Любить можно, например, фильм, песню какую-то, а не котлету или яблоко! Мама поначалу переживала, что дочь так мало ест, что маленькая да худенькая, пыталась всеми правдами и неправдами впихнуть в нее еды побольше да пополезнее, изобрести какое-то блюдо, которое вдруг заинтересовало бы ребенка, купить что-то повкуснее, даже по врачам ее водила – все напрасно. Врачи объявляли, что ребенок абсолютно здоров, прописывали то порошки, то микстуры, от которых не было никакого толку. Пока один пожилой профессор не сказал, чтобы отстали от ребенка и предоставили ей наконец право есть столько, сколько ей самой нужно. Пусть съедает по чуть-чуть, но регулярно, сказал он. И вообще, он добавил, ни один здоровый ребенок не умрет с голоду, если у него есть еда. А еще он посоветовал накладывать в тарелку маленькую порцию, третью или даже четвертую часть обычной.

Мама послушалась и убедилась, что дочка не будет есть суп вообще, и никакие уловки не помогут, если в тарелке обычная порция, а вот если на доньшке – сама возьмет ложку и съест с удовольствием. И с остальным тоже – на целую котлету смотрит, как на врага, а половинку дашь – лопает, и еще как! На повторной консультации, когда мама взволнованно попросила профессора объяснить такой феномен, то только улыбнулся:

– Ну, смотрите, какая она у вас маленькая. Она просто боится такого количества еды! А маленькая порция не пугает ее. Не волнуйтесь, что не наестся – тогда просто добавку попросит.

Так и стали делать. Даже когда Яппи в детский сад пошла, мама заранее предупредила воспитателей и нянь о такой особенности дочки. Правда, в первый же завтрак те решили сделать по-своему: положили полную тарелку каши. И уговорили съесть всю, мол, детки-то едят. За что тут же и поплатились: Яну вырвало этой кашей обратно в тарелку. Взрослые испугались, думали, ребенок заболел, вызвали медсестру. Та посмотрела девочку, ничего особенного не увидела. Позвонила маме узнать, как себя чувствовал ребенок дома. Та тут же прибежала – благо занятия в музыкальной школе позже начинались. Мигом оценила обстановку, отозвала няню с воспитательницей в раздевалку и что-то там им стала говорить. О! Мамуля могла своим нежным тихим голоском убедить кого угодно в чем угодно! Няня с воспитательницей вернулись в группу разве что хвостиками не виляя, и больше никогда Яну едой не «доставали».

Да, в детстве Яппи была Яной, Яниной, Яночкой. Но со временем, когда стало понятно, что ее рост так и будет всегда миниатюрным, ей стали надоедать сравнением ее с Яниной Жеймо. И восхищались ролью той в «Золушке». Смотрела Яппи эту сказку. И фильм дурацкий, и Золушка – полная идиотка. Надо же – попала на королевский бал, нарядили ее принцессой, так она песенку дурацкую поет про дурацкого жука, и хороводы пляшет! Принц, конечно, обалдел от такого нестандартга, вот и ходил за ней – игрушку себе нашел. Так эта дура, мало того, что туфлю умудрилась потерять, так еще и на сестрину ногу помогла ее надеть! В общем, и Янину Жеймо, и заодно свое имя Яппи возненавидела. Даже заявила родителям, что поме-

няет его, как только исполнится 18 лет. Но тут папа взмолился, чтобы она этого не делала: назвал ее Яниной в честь своей любимой мамы, рано умершей. Ладно, Янка согласилась – пусть в паспорте так будет. Но звать ее будут... да вот хоть так, как в классе кличут за разрез глаз и черные волосы с глазами – Японкой. Японку потом сократила до Яппи – стильно, коротко, необычно. И теперь всем так и представлялась. А на недоуменные расспросы просто ничего не отвечала – Яппи, и все!

И еще в детстве Янка была уверена, что у всех людей есть хвостики, просто у многих они не видны. Но она ясно понимала: вот человек хвостиком виляет – хочет подружиться, или чувствует себя виноватым, или просто радуется. А вот хвостик поджал – испугался. У самой-то Янки хвост был очень даже виден, даже не хвост – хвостище: ее Коса. Коса чувствовала все Янкины эмоции: когда Янка злилась – Коса дергалась, как кошачий хвост, когда пугалась – поджималась и старалась вжаться между лопатками, когда радовалась – так и норовила раскачиваться из стороны в сторону. Мама смеялась, говорила, что это просто детские фантазии, что ничего не видно, но Янка-то все это ясно чувствовала! Коса была всегда, и всегда она была ниже пояса. Янка росла – и Коса росла. А потом Янка почти перестала расти, а Коса продолжала! И выросла такой, что при ходьбе, если ее не подвязать, была сначала по попе, а потом уже и под коленками! А если косу распустить, то волосы спускались намного ниже коленок. Коса всегда ужасно мешала – вечно за что-то цеплялась, а у мальчишек во все школьные годы было любимое развлечение – подкрасться, дернуть за ленту, которой приходилось подвязывать Косу, и смотреть, докуда она достанет. Во время купания приходилось обматывать Косу вокруг шеи, и еще лентой перехватывать, иначе не поплаваешь. А уж сушиться потом! Мучение! Сидишь рядом с мамой на покрывале, как дура, а вокруг – распущенные волосы все место занимают, и сама как в шатре – жарко! Да еще и люди вокруг вечно ахают, разглядывают, вот, мол, девочка маленькая, а какие волосы длинные и густые... Сколько раз Янка просила стрижку ей сделать, ну хоть немного обрезать, папа ни за что не разрешал. Сказал – до окончания школы – никаких стрижек!

Зато на другой же день после вручения аттестатов Янка отправилась в парикмахерскую. Не тут-то было! Все парикмахерши сбежались: восхищались волосами, их густотой да длиной, возмущались Янкиным решением отрезать Косу. Велели маму привести. Янка паспорт показала, что не малышка неразумная, а вполне взрослый человек – ни за что не стали резать! И во второй парикмахерской повторилось то же самое, и в третьей...

– Ладно, – решила Яппи, – без вас обойдусь.

Она пришла домой, расстелила на полу перед трюмо простыню и взяла большие кухонные ножницы. Распустила Косу. Волосы опустились ниже колен, обняли ее всю... Они были как только что срезанная трава – еще живые, прохладные, но уже какие-то вялые. Коса чувствовала, что ее сейчас отрежут, и грустила. Янка остановилась, ей вдруг стало жалко резать волосы. Но тут же почувствовала, что от них становится жарко, представила, как завтра пойдет купаться и ничто не будет ей мешать, и решительно захватила в кулак первую прядь. Она отрезала прядь, укладывала ее в ряд на простыне, бралась за следующую... уже и руки устали, а она все резала, и резала, и резала – уже не заботясь, чтобы волосы получались одинаковой длины, стараясь только побыстрее закончить и наконец опустить руки. И, к тому же, почему-то начала сильно кружиться голова. В общем, когда на простыню легла последняя прядь, Яппи вздохнула с облегчением. Она намеренно не смотрела в зеркало – было страшновато. Убрала ножницы; собрала и выровняла пряди. Лежащие отдельно, они не выглядели такими уж длинными, и вообще, оказалось, что их не так-то и много. Взяла ленты и перехватила волосы в нескольких местах. Так они совсем не производили никакого впечатления, и Яппи почему-то от этого очень расстроилась. Завернула жгут из бывшей Косы в какую-то газету, вытряхнула и положила в стирку простыню... Наконец, решила и подошла к зеркалу. Волосы теперь шапкой стояли вокруг головы, торчали неровными прядями, но даже несмотря на это, результат ей

понравился. Лицо стало как-то взрослее и вместе с тем нежнее. Теперь из зеркала на нее смотрела уж точно не девочка-школьница, а милая юная девушка. Тут в двери повернулся ключ – пришла с работы мамуля. Яппи вышла в прихожую. Мама начала что-то говорить, но Яппи перебила ее:

– Мам! Посмотри на меня.

Мама взглянула и замерла.

– Все-таки подстриглась, – вздохнула она. И вдруг удивилась:

– Подожди, Яночка! А почему так неровно? Или это специально так, стрижка такая, что ли?

– Да нет, мамуля! Просто пришлось самой стричь, в парикмахерских не стали, – и Яппи рассказала про сегодняшние мытарства.

– Ладно, отрезала косу, так отрезала. Вот только надо теперь стрижку твою в нормальный вид привести. Позвоню-ка я тете Свете.

Мама тут же набрала тети-Светин номер. Та, к счастью, тоже уже оказалась дома, долго причитала в трубку насчет загубленной косы, и сказала, чтобы Яна немедленно шла к ней. Ловкие тети-Светины руки сделали настоящее чудо: она не просто подравняла волосы, а сделала модную стрижку с челкой, с приподнятым затылком. Теперь девушка, смотревшая на Яппи из зеркала, оказалась не только юной и симпатичной, но к тому же и стильной!

– Ой, тетя Света, вы просто волшебница! – восхитилась Яппи.

– Да, могём кое-что, – засмеялась та. – Да с твоими волосами работать приятно. Богатый волос, хороший. Ты не стригись больше ни у кого – испортят. Только ко мне ходи, поняла?

– С удовольствием! Такую красотку из меня сделали! Спасибо вам огромное!

Когда Яппи вернулась, папа был уже дома. Мамуля, видимо, успела его подготовить и правильно настроить, так что он даже и не ворчал. Наоборот, с интересом рассмотрев дочку со всех сторон, признал, что ей так больше идет.

– Мам, только у меня почему-то все время кружится голова, – пожаловалась Яппи. – И такое чувство, что это не голова, а воздушный шарик, и он вот-вот улетит в небо, и меня унесет.

– Да все понятно, – улыбнулась мама. – Коса-то тяжелая была, а теперь тебе от легкости так кажется. Привыкнешь постепенно.

Так что поступать приехала уже не та малышка Яночка, а вполне себе такая Яппи. Девчонки, которые жили в общежитии, быстро перезнакомились и даже сдружились, так что когда какая-то из них получала на экзамене двойку и «вылетала», то ее было кому обнять, посочувствовать и даже поплакать вместе. Яппи тоже познакомилась с двумя приятными девчонками, но на второй же экзамен они не появились – «вылетели» сразу после сочинения. Это ей сказала смешная рыженькая Тома – она, кажется, знала все и про всех. У нее был легкий характер – на все смотрела с неиссякаемым оптимизмом и прямо-таки заражала уверенностью и весельем. С Томой они ходили в знаменитую пышечную на Желябова после каждого экзамена, и вроде как даже подружились, и Яппи очень надеялась, что они обе поступят – тогда можно было бы поселиться в одной комнате. Но когда вывесили списки поступивших, Томы в них не оказалось.

– Ну что ж, придется годик поработать, а уж на следующий точно поступлю, – заявила она в ответ на Яппины попытки сказать какие-то утешительные слова.

Ну, а у Яппи началась другая жизнь: с триумфом поехали домой, беззаботно пролетел август, а перед первым сентября опять с мамой поехали – пришлось взять много вещей, да и мама хотела удостовериться, что все в порядке. Собеседование, устройство в общежитие... Соседки по комнате и ей, и мамуле понравились. Катя была, как и Яппи, сразу после школы, а Наташа уже успела закончить педагогическое училище, и даже с красным дипломом, что и дало ей большие преимущества при поступлении.

Первого сентября был праздник посвящения в студенты. Вроде все, как в школе – и торжественная линейка, и концерт – но вокруг были взрослые лица, и никаких бантиков и букетов, и никаких волнующихся родственников. А самое главное – атмосфера. Все вокруг – взрослые: никто не бегают, не толкается, не орет, мальчишки (их довольно много оказалось, наверное, «физики», «химики», да «физкультурники») в дверь пропускают, преподаватели на «вы» обращаются.

После праздника было собрание группы. Оказалось, у них первые курсы будет куратор (какое солидное слово!) – милая пожилая женщина. Она сказала, что сегодня им нужно выбрать «тройку»: старосту, профорга и комсорга, и рассказала, зачем они все нужны. Девчонки сидели озадаченные. Вдруг встала самая красивая девочка из их группы, да и, наверное, изо всего курса. Яппи заметила ее еще на абитуре, а всезнающая Томка сказала, что ее зовут Илона, что поступает сюда она уже во второй раз, и что приехала аж из Анапы.

– Девчонки, – сказала Илона, – у меня есть предложение. Ведь чтобы кого-то куда-то выбирать, надо сначала познакомиться. Давайте, мы все по очереди будем рассказывать немного о себе: как зовут, откуда приехали, вообще говорить то, что сами захотите. И чтобы быстрее познакомиться, предлагаю вот что: может, кто-то хочет, чтобы его как-то определенно называли, как ему привычнее. Вот начну с себя. Я – Илона Дудкина, – она улыбнулась, – смешно звучит, правда? В школе, конечно, меня дразнили Дудкой и Илюшей. Так что я терпеть не могу никаких сокращений от моего имени и прошу называть меня всегда только Илоной или Илонкой. Школу закончила в прошлом году. А приехала я из Анапы. Так получилось, что у моей лучшей школьной подруги в Ленинграде дальние родственники, ну, мы и поехали с ней поступать. Она поступила, а я не прошла по конкурсу. Поэтому устроилась здесь на работу, а вот теперь поступила.

Она еще раз улыбнулась и села. Куратор, а за ней и вся группа, немного похлопали. Потом все по очереди стали рассказывать о себе. Идея с именами всем очень понравилась. Одна девчонка, например, просила называть ее Котя – ее так звали в школе, и ей нравится, а другая, Аня, сказала, что она в детстве очень любила сказку о Златовласке и мечтает, чтобы ее звали Златовлаской! При этом ее волосы были обычного темно-русого цвета. Все, конечно, обалдели от такого заявления, а кто-то даже и похихикал. Кстати, они потом пытались ее так называть, но быстро сократили до Златы, Анька не возражала.

Так что Яппину историю с Яниной Жеймо все уже приняли с пониманием. А когда она спросила, на кого она похожа, все в один голос сказали: – На японку!

– Ну, вот так и зовите, а чтобы не выглядело странно, то – Яппи. А кто Яной назовет, или даже Яночкой, – покусая! – Яппи сделала зверскую гримасу.

Народ засмеялся и тоже немножко похлопал.

Старостой вызвалась быть самой старшая девушка, Ирина. Она закончила педучилище, проработала уже три года в детском садике.

– Я была старостой и в школе, и в училище. И я очень ответственная и аккуратная, ничего никогда не путаю. Так что советую выбрать меня, – она строго оглядела группу.

Никто и не возражал. Возиться с журналом посещений, узнавать и сообщать всем об изменениях в расписании – скукота! Отлично, что нашелся человек, добровольно согласившийся взвалить на себя эту обузу!

С профоргом тоже быстро решилось – неприметная Валя сказала, что ее старшая сестра учится здесь же на четвертом курсе, и она профорг группы, так что Валя знает по ее рассказам, что это за нагрузка, и готова взять ее на себя. Конечно, опять никто не возражал.

А когда дело дошло до выборов комсорга, встала Яппина соседка по комнате Наташа (впрочем, она просила называть ее как в семье – Тата) и предложила выбрать Илону, потому что та инициативная, смелая и нестандартно мыслящая – во как! Народ одобрительно захлопал и заулыбался.

Так что с выборами быстро закончили, а так как куратор сказала, что на сегодня в расписании у них занятий никаких нет, то все дружно пошли закреплять знакомство – пить кофе с пирожными на Невском.

Наташа повернулась к зеркалу другим боком и снова вздохнула. Хорошо, что девчонок нет, а то опять принялись бы утешать ее и уверять, что у нее прекрасная фигура. Да кто б спорил, прекрасная, вот только грудь! – вернее, ее почти полное отсутствие. Нулевой размер! В почти двадцать лет! «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» – процитировала она сама себе и горько усмехнулась.

Япику вчера на вахту позвонила мама, сказала, что передала ей посылочку с какими-то знакомыми, так что Яппи поехала ее забирать.

Катка сидит в библиотеке, готовится к завтрашнему зачету по «Истории КПСС». Вернее, их готовит. Историю КПСС у них вел проректор со смешной фамилией Лейкин. Весь поток был в него влюблен: под сорок лет, подтянутый, симпатичный, обаятельный, одет в отлично сидящий костюм и безукоризненно подобранные рубашку с галстуком! А уж скучнейший свой предмет читал так, что хотелось его слушать и слушать – бесконечно! Так вот он сразу предупредил, что в первую сессию по его предмету будет пока только зачет, и, что если кто хочет получить «автомат» – должен посещать все лекции и семинары, активно работать и иметь конспекты первоисточников, список которых тут же и продиктовал. И какое счастье, что у них есть Валюшка с ее старшей сестрой, учащейся на четвертом курсе! Сестра предупредила, что Лейкин – вовсе не такой милашка, как кажется, и что зачет у него можно получить действительно только соблюдая эти условия. Иначе замучает так, что мало не покажется. Так что, обязательно посещай все его занятия, особенно семинары – пусть хоть температура сорок – приди! И на семинарах отвечай, сама вызывайся хоть иногда – он любит, когда сами хотят отвечать. «Плюсики» зарабатывай! И конспекты – обязательно, да чтобы они были аккуратными, четкими, желательно с подчеркиваниями разными, чтобы видно было, что человек не просто тупо переписал, а работал! – учила она Валюшку. Ну и все это, конечно, Валюшка сразу доносила до сведения всей группы. И еще сестра научила их схитрить – пусть три-четыре человека скооперируются и конспектируют по очереди, а остальные переписывают, но так, чтобы не понятно было, что переписали. Так что у них своя система была: У Катки почерк с наклоном влево (в детстве была левшой, потом переучили, но в наклоне «левшество» все равно проявилось), Япик подчеркивала некоторые слова и фразы красной пастой, а она, Натка, писала каждую фразу с красной строки. Просмотришь бегло – кажется, что конспекты совершенно разные.

Занятия они не пропускали, на семинарах «плюсиков» достаточно зарабатывали (так что Лейкин даже удивлялся, какая активная группа), конспекты все есть, сейчас Катя последний допишет, а они с Яппи вечером перекачают. «Автомат», считай, у них в кармане. Ну, а раз этот зачет – последний, то до экзаменов можно немного расслабиться, уж Новый год-то встретить спокойно – точно! И вот ведь везение еще: Катка недавно столкнулась в их студгородке со своим знакомым – мальчиком из параллельного класса. Оказалось, он учится в ЛЭТИ и живет в «пятерке», которая окна в окна с их корпусом! Мало того, этот Каткин знакомый играет на гитаре, и уже успел зарекомендовать себя настолько, что попал в ВИА студгородка! От радости встречи и от широкой души подарил Катке три билета на новогоднюю межвузовскую дискотеку. Дискотеки эти славились не только на весь студгородок, но и на все вузы, общжития которых были здесь расположены. Попасть туда мечтали все, но уж зеленым-то первокурсникам никак не светило, так что им все завидовали. Приходили даже девчонки со старших курсов, просили продать им билеты чуть ли не за любую цену. Ну, конечно же, они всем отказали. Еще чего! Самим хочется.

Дисотека завтра. Они уже все решили, что наденут. Яппи вообще на днях заявила, что ей все равно, в чем идти, но потом все-таки вытащила из чемодана черные струящиеся широкие брюки и золотистую маечку на тонких бретелях. А Катька сказала, что у нее ничего нет, кроме финского брючного костюма. Костюм, конечно, финский, и фасон Катьке идет – приталенный пиджачок, расклешенные брюки, но – он кримпленовый! Ну какая девушка наденет сейчас кримпленовый костюм!

Спасибо Таткиной маме. Мама работала в школе учителем литературы и русского, но дело не в этом, а в том, что она – гениальная портниха! Возьмет какую-то тряпочку, повертит, поколдует над швейной машинкой – и, готово дело: юбка, брюки, блузка, да такие, что та, кому это предназначено, становится в мамином наряде настоящей красавицей, и любая фигура преобразается в безупречную! Поэтому маму вечно просили что-нибудь сшить. Она старалась не отказывать, если только была возможность – работа в школе отнимала много сил и времени. Но подработка была нужна – с тех пор, как умер папа, маме приходилось обеспечивать себя и дочку. Конечно, Ната помогала ей, сколько могла – делала простые операции – петли сделать, швы на оверлоке обметать. Да, у них был даже оверлок – какая-то из маминых клиенток умудрилась его где-то достать, списанный в ателье, и подарила маме, восхищенная свадебным платьем, которое мама сшила ее дочке.

Папа умер, когда Наташа была в пятом классе. Инфаркт. А больше у них с мамой никого не было – никаких бабушек-тетушек и прочих родственников. Во время войны мама и папа были подростками и оба потеряли все свои семьи – кто на войне погиб, кто в оккупации. Попали оба в детдома. Оба сначала закончили педучилища, потом заочно пединституты. Только папа преподавал математику и физику, потом стал завучем, а потом – и директором школы, а мама так и работала учителем. Работали в одной школе, там и познакомились. Пожились. Оба, детдомовские, мечтали иметь большую семью, чтобы было много детей. Но – не получалось. Дочка родилась, когда им было уже по тридцать лет и когда уже начали терять надежду. Как они радовались! Хотели, конечно, еще хотя бы одного ребенка, вот бы сыночка – мечтали, но – нет. Так и была Наташа единственным ребенком. Ее, конечно, очень любили, особенно папа. Называл – Тата, Татуська моя, и, мама рассказывала, лет до трех носил на прогулках исключительно на руках. Никаких колясок не признавал, боялся, что в коляске трясет... Татка его хорошо помнила. Боль утраты не стиралась с годами ни у нее, ни у мамы, только они научились эту боль прятать. Поэтому на собрании группы первого сентября Наталья и попросила ее звать Татой – пусть хоть кто-нибудь в целом мире ее так называет. Мама не могла, до сих пор слезы наворачивались у нее на глаза, когда она пыталась называть так дочку.

Конечно, Натка хотела быть учителем, как мама и папа, только она решила сразу в институт поступать, их, областной. А потом, после папиной смерти, старалась учиться хорошо, чтобы папе там, где он теперь, было не стыдно и не больно за любимую дочку. Постепенно все заговорили о возможности золотой медали, и Натка обрадовалась – вот получу ее – точно папу пораду! Да и в институт, как ей объяснила мама, будет намного легче поступить. Так что Натка очень старалась, да и учеба ей давалась совсем не трудно. И получила бы медаль, но... в десятом классе безумно влюбилась (хотя разве можно влюбиться «с умом»?).

Был у них в классе мальчик – симпатичный, тихонький, учился средне, в общем, совсем незаметный. Только роста он был совсем маленького всегда, да еще и фамилия, как нарочно, Зайцев. Так что звали его, конечно, Зайцем. А после какой-то школьной постановки, где Ваське, как самому мелкому, поручили роль Зайчика, – имя «Зайчик» намертво приклеилось к нему на все оставшиеся школьные годы. Впрочем, Васька и не возражал, да он и вообще ни с кем никогда не ссорился, и, кажется, обижаться-то не умел. Зайчик – так Зайчик. Натка на него никогда и внимания не обращала – так, вертится какой-то малой под ногами, – но в девятом классе немного изменила свое мнение.

Она тогда с утра чувствовала себя неважно, но решила все-таки пойти в школу – предстояла четвертная контрольная, первая в году, не хотела пропускать. Пойти-то пошла, и даже контрошу на автомате написала, но перед третьим уроком, физкультурой, почувствовала себя настолько плохо, что решила отпроситься у физрука. Перед глазами уже все плыло, губы еле двигались, и даже ноги как-то противно тряслись. Физрук посмотрел на нее:

– Да ты больная совсем! Какая тебе физкультура! Иди-ка в медкабинет!

Наташка поплелась туда. Там их добрейшая медсестра Марьяванна немедленно раскудалась, принялась расспрашивать, мерять температуру, смотреть горло, слушать... Оказалось, у нее хорошенькая такая простуда, и поднялась температура. Так что всю физру она пролежала на диванчике в медкабинете, напоенная лекарствами. А когда урок закончился, заглянула классная, предупрежденная физруком, узнать, что с ней. Марьяванна сказала, что Наташа заболела и хорошо бы отправить ее домой.

– Таблетку-то я ей дала, но все равно надо лежать в тепле и покое и нормально лечиться, – сказала она.

Классная позвонила маме (Натка, конечно, училась не в маминой школе). Мама сказала, что освободиться сможет только к следующему уроку. Тогда классная, оглядев класс, сказала:

– Наташу надо отправить домой. Но, хоть ей сейчас и получше стало, я одну ее боюсь отпускать, мало ли что. Так что нужно, чтобы ее кто-то проводил до дому и дождался ее маму.

И вдруг Зайчик поднял руку:

– Я живу в соседнем доме и могу ее проводить, – сказал он. И сказал так спокойно и уверенно, что ни у кого даже сомнения не возникло, только Натка сквозь температурный туман подумала про себя:

– Да уж, провожатый! А вот если я, например, упаду на улице, что он делать-то будет? Ну, тогда и не падай, а иди, – посоветовала она себе.

Зайчик решительно забрал ее портфель. А Натке опять стало хуже, видимо, опять стала подниматься температура. И вдруг Васька серьезно сказал:

– Наташа, обопрись на мое плечо. Не бойся, что я маленький и не выдержу, я сильный.

У Натки, и правда, заплетались ноги. Она положила руку на Васькино плечо. Оно оказалось неожиданно крепким, и идти действительно стало полегче. Хорошо, хоть их дома были совсем недалеко. А дома Васька вдруг наклонился и стал стаскивать валенки с ее ног.

– Вась, да что ты, я сама, – вяло попыталась возразить Натка.

– Да ладно, что мне, трудно, что ли, – хмыкнул тот. – Иди ложись давай. А я пойду чайник поставлю, чаю тебе сделаю. Можно? – вдруг спохватился он.

– Конечно, – Натка сглотнула. – Пить очень хочется. Сахар и чай на столе, а в холодильнике лимон есть. И себе тоже сделай. И, если хочешь, возьми себе чего-нибудь поесть.

Она рухнула на диван в большой комнате и сразу провалилась в сон. Только помнила еще, как Васька поил ее жутко сладким чаем, ложек пять сахара в чашку вбухал, наверное. Потом так же сквозь сон слышала, как пришла мама, трогала ее лоб прохладными губами...

Она проспала до самого вечера, когда мама разбудила ее, чтобы померить температуру и дать какие-то лекарства. Встала в туалет, потом снова легла. Мама принесла бульон в пиале и чай. Села рядом.

– А Васька давно ушел? – спросила Натка. – Почему-то ей хотелось думать, что он сидел у них до самого вечера.

– Давно, как только я пришла. Знаешь, он такой заботливый! – умилилась мама. – Прихожу, а он мне говорит: «Давайте, я Вас чаем напою, вы же с работы, а я как раз чай для Наташи делал». И все так обстоятельно – и чай мне налил, и лимон положил, и ложечку достал. Даже сахар собирался сам насыпать, но тут уж я отказалась. Он так удивился, что я чай без сахара пью! Говорит, а я сладкий люблю.

– Ага, засмеялась Натка. – Он мне в чашку, похоже, ложек пять наложил.

– Так он растет, наверное, ему сейчас энергия нужна. Но от чая и от еды отказался, сказал, дома обед есть.

– Да, ему же мелких кормить, – вспомнила Натка. – У него два братика младших, в третьем классе и втором. А мама работает до вечера.

– Да я знаю. А папы тоже нет, – грустно улыбнулась мама, – только он погиб. Служил у нас в военном городке. Им тогда и квартиру эту дали, как семье погибшего военнослужащего.

– А, теперь понятно, почему он не с первого класса у нас, а только со второго. Наверное, раньше в другую школу ходил, там, где они жили.

Они немного помолчали, каждая опять думая про их папу. Потом Натка снова пошла спать. Проболела она тогда недолго, но потом сразу начались осенние каникулы, а после них история как-то подзабылась.

Первого сентября в десятом классе произошло сразу два знаменательных события: во-первых, им наконец-то разрешили сесть за парты кто с кем хочет. Правда, классная предупредила, что, хоть она и надеется на их взрослость и благоразумность, тем не менее будет начеку. И если кто-то будет на уроках болтать, то рассадит, и чтобы потом не обижались.

А второе событие... Натка, конечно же, села за одну парту со своей лучшей подругой Катериной, Каткой (их в классе даже звали так – Натка-Катка). А через проход от нее оказался Зайчик. У Натки мелькнуло на мгновение смутное удивление: почему Зайчик не за первой партой, как всегда, и тут же испарилось – ну и что, разрешили же, кто как хочет. На перемене они болтали с Каткой о чем-то, Натка вертела ручку. И вдруг, когда она махнула рукой, ручка сорвалась с пальцев и улетела под Ванькину парту. Натка повернулась к нему и шутливо-капризно, подражая какой-то героине из фильма, протянула:

– Зайчик, ты что, не видишь? Поддай даме ручку!

Ванька отвлекся от своего соседа Сережки, наклонился и попытался дотянуться до ручки. Та, однако, закатилась глубоко под стол. Ванька, не вставая, присел в проходе, достал из-под стола ручку и стал выпрямляться, одновременно протягивая Натке руку с ручкой.

– Спасибо, Зай... – начала было Натка.

Потом, вспоминая это, она все время как будто видела себя со стороны и в замедленной съемке: вот она сидит, а Ванька на корточках в проходе; они смотрят друг другу в глаза и улыбаются. Вот Ванька начинает выпрямляться, и по мере его взросления ее глаза поднимаются все выше и выше, так, что приходится уже запрокидывать голову. Глаза ее становятся все шире, а губы продолжают выговаривать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.